

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСИММЕТРИИ И ДИПЛОМАТИЯ

Алексей Арбатов

Как ни странно, современные российские политические лидеры, военачальники, их дипломатические представители и эксперты разного уровня в своей критике американской программы ПРО оперируют идеями бывшего министра обороны США Роберта Макнамары. Более сорока лет назад он сформулировал концепцию стратегической стабильности и сделал вывод о дестабилизирующей роли системы ПРО¹. С тех пор в стратегической теории ядерного сдерживания, несмотря на смену нескольких поколений вооружений, вплоть до недавнего времени не было придумано ничего принципиально нового.

1. ПРО и стратегическая стабильность

Концепция Макнамары состояла в том, что в силу объективно сложившейся ситуации безопасность обеих сторон на уровне стратегических ядерных вооружений обеспечивается их обоюдной возможностью причинить друг другу неприемлемый ущерб в ответном ударе, даже приняв на себя первый удар противника. Система ПРО (у одной или обеих сторон) может создать иллюзию возможности предотвратить неприемлемый ущерб от ответного удара противника, ослабленного внезапным контрсиловым (разоружающим) ударом. Тем самым может усилиться стимул для первого удара, иными словами, будет развязана ядерная война. Кроме того, дестабилизирующая роль ПРО виделась главе Пентагона и в том, что она заставляет каждую сторону наращивать наступательный потенциал в ответ на противоракетную оборону противника, т.е. подстегивает гонку вооружений.

Для своего времени идея о том, что система стратегической обороны может усиливать угрозу войны и стимулировать гонку вооружений, была абсолютно революционной. В своей известной речи в Сан-Франциско 18 сентября 1967 г. Макнамара подчеркнул: «Какими бы ни были их намерения или наши намерения, действия – или даже реалистически вероятные действия – каждой стороны, относящиеся к строительству ядерных сил, неизбежно вызывают противодействия другой стороны. Это как раз тот феномен действия – противодействия, который питает гонку вооружений... Оба государства выиграли бы от достаточно надежных соглашений сначала ограничить, а позднее и сократить наступательные и оборонительные ядерные силы».²

¹ Конечно, Макнамара не сам до всего додумался - он опирался на разработки своих подчиненных, которых привлек в Пентагон, в основном, из аналитической корпорации РЭНД, выполнявшей контракты ВВС США.

² Robert McNamara. The Essence of Security: Reflections in Office. N.Y. 1968, pp. 51-67.

Незадолго до этого, на саммите в Гласборо (штат Нью-Джерси) в июне 1967 г. президент США Линдон Джонсон и Роберт Макнамара предложили председателю Совета Министров СССР Алексею Косыгину заключить договор об ограничении систем ПРО, но получили отказ. В то время Советский Союз уже приступил первым к развертыванию такой системы (А-35) вокруг Москвы. Косыгин ответил в том духе, что ПРО – это законная оборонительная система, поскольку она защищает мирное население, тогда как угрозу создают наступательные ядерные ракеты, гонка ракетно-ядерных вооружений. (Действительно, в тот момент США как раз завершили самый крупный в истории цикл форсированного наращивания СЯС, а СССР только разворачивал свой ответный рывок в этой сфере).

Вероятно, советский премьер был бы весьма удивлен, если бы мог предвидеть, что через пятнадцать лет президент США Рональд Рейган возьмет на вооружение его тезис в оправдание программы СОИ («звездных войн»), а еще четверть века спустя эту концепцию будет с теми или иными поправками выдвигать американское правительство и с праведным гневом отвергать российское руководство.

Но сорок лет назад концепция стратегической стабильности Макнамары восторжествовала. С 1968 г. США приступили к развертыванию системы ПРО (сначала «Сентинел», а потом «Сейфгард»), что серьезно встревожило СССР, так как могло нарушить с огромным трудом достигнутый на пороге 70-х годов стратегический паритет. Поэтому Советский Союз согласился на переговоры, и в 1972 г. был заключен советско-американский Договор по ПРО и Временное Соглашение ОСВ-1, блестяще воплотив концепцию Макнамары в договорно-правовую форму.

В Преамбуле Договора по ПРО было указано, что «эффективные меры по ограничению систем противоракетной обороны явились бы существенным фактором в деле сдерживания гонки стратегических наступательных вооружений и привели бы к уменьшению опасности возникновения ядерной войны»³.

В Преамбуле Временного Соглашения было зафиксировано, что Договор по ПРО и Временное Соглашение в совокупности «будут способствовать созданию более благоприятных условий для проведения активных переговоров об ограничении стратегических вооружений», а также провозглашалась необходимость учитывать «взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями»⁴. Эта «взаимосвязь» стала сакраментальным постулатом советского, а затем российского подхода к ограничению стратегических вооружений.

³ Договор по ПРО...

⁴ Временное Соглашение СНВ-1...

Правда, применительно к себе советская сторона изначально приняла эту логику с оговорками и, в частности, настояла на включении в приложенный к Договору по ПРО документ «Согласованные заявления» пресловутого пункта «D» (о праве создавать антиракетные системы на новых физических принципах). Впоследствии этим пунктом воспользовалась администрация Рональда Рейгана для обоснования правомочности своей программы СОИ, и только принципиальность сенатской комиссии под руководством сенатора Сэма Нанна, помогла дезавуировать этот предлог и не позволила новой программе ПРО выйти за рамки НИР.

В 1976 г. США «законсервировали» свой единственный комплекс ПРО (кроме РЛС) вокруг базы МБР Гранд Форкс (Северная Дакота). Советский Союз проявил более последовательную приверженность к противоракетной обороне и сохранил один район развертывания ПРО для защиты Москвы. А Россия даже в кризисные 90-е годы нашла средства для его глубокой модернизации (система А-135) и сохраняет поныне в боевом составе, планируя очередную существенную модернизацию в рамках программы ВКО.

Кроме того, обе стороны сохраняли в боевом составе системы противовоздушной обороны (ПВО), причем в этом СССР намного превосходил США и НАТО. Советская ПВО Страны была одним из крупнейших видов вооруженных сил (по численности личного состава на втором месте после Сухопутных войск) и по неофициальным данным в пике своего могущества включала в боевом составе до 3 000 истребителей-перехватчиков и 11 000 пусковых установок зенитных ракетных комплексов.

Почему логика стратегической стабильности и взаимосвязи обороны и нападения, применяемая к баллистическим ракетам, не относилась к авиационным средствам – никто и никогда не дал вразумительного объяснения. Единственное соображение могло состоять в том, что ПВО была технически способна перехватить относительно больше самолетов, чем ПРО – баллистических ракет. Но какой смысл защищаться от авиационных носителей ядерного оружия, если не было возможности отразить удар ядерных ракет? Так или иначе, в США в 60-70-е годы мощная система ПВО была свернута и превращена из системы защиты в средство контроля воздушного пространства Северной Америки, Северной Атлантики и Дальнего Востока.

В Советском Союзе, за редчайшим исключением⁵, никто такие вопросы не ставил, поскольку не было реального политического и гражданского контроля над военной политикой и военным строительством. Поэтому СССР поддерживал мощную и крайне дорогостоящую систему

⁵ См.: А.Г. Арбатов, «Сколько обороны достаточно?». «Международная жизнь», N 3, 1989 г.

стратегической ПВО вплоть до своего распада и экономического кризиса в 90-е годы. В наше время многие специалисты в России, критикуя существующие системы и программы в рамках ВКО как недостаточно эффективные, с ностальгией вспоминают огромную оборонительную систему ПВО СССР. Несомненно, однако, что в выполнении главной ее задачи – отражении авиаракетного ядерного удара, эта система была не чем иным, как беспрецедентным национальным самообманом, циничным введением в заблуждение невежественного руководства КПСС и бездонной бочкой расточительства народных ресурсов на потребу ведомств Минобороны и военно-промышленному комплексу.

Тем не менее, на несколько десятилетий концепция Макнамары стала основой стратегических отношений СССР/России и США и их соглашений по ограничению ядерных вооружений, включая Договор СНВ-1 от 1991-1994 гг.⁶. В его Преамбуле подчеркивалось «что интересы Сторон и интересы международной безопасности требуют укрепления стратегической стабильности», а также содержалась отсылка на обязательство по статье XI Договора по ПРО («Стороны обязуются продолжить активные переговоры об ограничении стратегических наступательных вооружений»)⁷. Тем самым концепция взаимосвязи (или как говорили советские, а затем и российские специалисты, «органической взаимосвязи») оборонительных и наступательных вооружений в процессе разоружения была закреплена договорно-правовым образом.

Именно из этой логики исходит нынешняя официальная линия Москвы на противодействие американской программе ПРО. Это проявилось в заявлении президента Медведева в Довиле: «После 2020 года, если мы не договоримся, начнется реальная гонка вооружений», – пригрозил он.⁸

2. Различия по фазе в стратегическом мышлении

Но время шло, и со второй половины 90-х годов США то с большим, то с меньшим усердием принялись пересматривать концепцию Макнамары. Американская стратегическая мысль опять рождает новое видение, каковым когда-то казался взгляд на оборонительную систему оружия (ПРО) как на повышающую угрозу ядерной войны и гонки вооружений.

⁶ Договор был подписан в 1991 г., но в связи с распадом СССР вступил в силу только в 1994 г. после соглашений о выводе советских стратегических сил из Украины, Казахстана и Белоруссии.

⁷ Договор СНВ-1....

⁸ _ Пресс-конференция по итогам саммита «Группы восьми» // Президент России. 2011, 27 мая (<http://news.kremlin.ru/transcripts/11374>).

Во-первых, распространение ракетно-ядерного оружия породило новый подход к ПРО как к стабилизирующей системе в полицентрическом ракетно-ядерном мире. Возможность обеспечения безопасности в таком мире на основе традиционной советско-американской модели взаимного ядерного сдерживания (взаимного гарантированного уничтожения ответным ударом) ставится под сомнение. Это обусловлено как политико-идеологической природой новых государств-обладателей ЯО, так и дефектами их военно-технических возможностей в стратегических отношениях друг с другом и с великими державами (уязвимость ядерных средств на базах, техническая отсталость или отсутствие СПРН, ненадежность систем управления и предотвращения несанкционированного запуска).

Во-вторых, уход в прошлое глобальной биполярности и холодной войны приблизил к нулю политическую вероятность вооруженного конфликта (и, тем более, ядерной войны) между США (НАТО) и Россией. Поэтому предполагается, что требования к военно-стратегическим параметрам стабильности в их отношениях можно значительно смягчить, включая критерии «неприемлемого ущерба» (которые могут, например, предполагать разрушение основных объектов энергетики и транспортной инфраструктуры, а не уничтожение половины населения и двух третей промышленности – по критерию Макнамары). Одновременно это позволяет широко «либерализовать» подход к роли и допустимым (в качестве не destabilизирующих) военно-техническим характеристикам систем ПРО.

Во второй половине 90-х годов была сделана попытка открыть путь противоракетным системам для защиты от третьих стран, сохраняя ограничения на системы ПРО в стратегических отношениях России и США, которые были легализованы Договором по ПРО от 1972 г. Это выразилось в соглашении 1997 г. о разграничении стратегических систем ПРО и систем ПРО театра военных действий (ПРО ТВД) через ограничения на скоростные характеристики ракет-перехватчиков, а также дальность и скорость ракет-мишеней при испытаниях⁹. Однако это соглашение не вошло в силу, как не увенчались успехом попытки администрации Клинтона договориться с Москвой о соответствующих поправках в Договор по ПРО «под занавес» своего правления в 1998-2000 гг.

Затем республиканская администрация Буша вывела США из этого Договора в 2002 г. и инициировала противоракетную программу с развертыванием относительно небольшой группировки стратегических систем на Аляске, в Калифорнии и Европе. Это привело к очередному, пятому

⁹ Было согласовано, в частности, что Договор по ПРО не запрещает испытывать перехватчики со скоростью до 3 км/сек. Было запрещено испытывать их против баллистических ракет со скоростью выше 5 км/сек и дальностью более 3000 км, а до 1999 г. стороны обязались не испытывать перехватчики наземного и воздушного базирования со скоростью выше 5,5 км/сек, а морского базирования - выше 4,5 км/сек. См.: Ежегодник СИПРИ 1997, «Наука», 1997, с. 27.

«противоракетному кризису» российско–американских отношений. (Предыдущие имели место после начала развертывания советской программы А-35 в 1966-1968 гг., вслед за объявленной в 1983 г. программой СОИ президента Рейгана, в связи с американской программой ПРО ТВД в 1995-1997 гг., из-за выхода США из Договора по ПРО в 2001-2002 гг.)

Администрация Обамы существенно пересмотрела технические, географические параметры программы ПРО и сроки ее реализации. Однако общая направленность стратегического пересмотра роли и места противоракетной обороны сохранилась и выразилась в документе по ядерной политике от 2010 г. Там, в частности, сказано, что потенциал сдерживания будет усиливаться за счет «инвестиций в противоракетную оборону, средств борьбы с ОМУ и других неядерных военных возможностей»¹⁰. При этом в документе особо подчеркивается, что «противоракетная оборона и любые будущие системы баллистических ракет дальнего действия США в обычном снаряжении предназначены для противодействия новым возникающим угрозам регионального порядка и не направлены на изменение стратегического баланса с Россией»¹¹.

В апреле 2010 г. был подписан новый Договор СНВ, при разработке которого проблема ПРО стала одним из главных «камней преткновения». Российская сторона всемерно стремилась сохранить традиционный подход на основе «органической взаимосвязи». А американцы старались заложить в Договор пересмотр этой концепции в пользу расширения оборонительного элемента в стратегическом балансе сторон. В итоге был найден компромисс, в Преамбуле Договора признается «наличие взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями, возрастающую важность этой взаимосвязи в процессе сокращения стратегических ядерных вооружений и то, что нынешние стратегические оборонительные вооружения не подрывают жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений Сторон»¹².

Эта формулировка явилась продуктом высокого дипломатического мастерства, она воплощала видимость согласия, но позволяла различные интерпретации того, о чем договорились стороны. Это проявилось в ходе ратификационных дебатов в США и России. Правда, представители администрации утверждали в Сенате, что Преамбула не имеет юридически обязывающей силы. Но главное было в том, что упомянутая формулировка строилась на двусмысленностях.

¹⁰ U.S. Department of Defense, Nuclear Posture Review Report, April 2010, www.defense.gov/npr/docs.2010%20nuclear%20posture%20review%20report.pdf. p.48.

¹¹ Там же, ...с.х.

¹² Новый Договор СНВ 2010...

Традиционное российское толкование сводилось к тому, что ограничение ПРО есть неременное условие сокращения МБР и БРПЛ. В США «наличие взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями, возрастающую важность этой взаимосвязи в процессе сокращения стратегических ядерных вооружений» все больше понимают в том смысле, что по мере сокращения СЯС оборонительные системы должны расширяться в целях поддержания стабильности за счет большего упора на оборону.

Фраза: «нынешние стратегические оборонительные вооружения не подрывают жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений Сторон» оставляет не меньший простор для интерпретаций. Каков рубеж времени подразумевает «нынешние»: на момент ратификации или на срок действия Договора до 2020 г.? Что относится к «оборонительным вооружениям: ПРО, ПВО, противоспутниковые системы для перехвата орбитальных ударных средств? В какой стадии своего цикла развития они «не подрывают»: при наличии в боевом составе, в качестве программ НИОКР, влияет ли их географическая передислокация (скажем, из США в Европу)? То, что нынешние оборонительные вооружения «не подрывают», не обязательно означает, что новые будут подрывать – это вопрос оценок, критерии которых на сегодняшний день не согласованы. Попытки России дать всему максимально «узкое» толкование немедленно бумерангом бьют по ее «нынешней» впечатляющей программе развития ВКО.

Так или иначе, если подходить к вопросу без «двойных стандартов», то приходится сделать вывод, что Преамбула Договора СНВ от 2010 г. легализовала системы и программы развития стратегической обороны двух держав как минимум до 2020 г. Поэтому ратификационные оговорки по СНВ со стороны Думы РФ и угрозы российского президента выйти из Договора при продолжении американской программы ПРО в юридическом смысле не бесспорны, даже если по логике Москвы считать их юридически обязывающими.

После подписания нового Договора СНВ стороны попытались разрешить противоречия вокруг ПРО на основе принципиально нового подхода к делу. А именно, вместо попыток разграничить ПРО для защиты от ракет друг друга и ПРО для отражения ударов третьих стран (которые выразились в соглашении 1997 г.), родилась идея совместного развития ПРО – в качестве гарантии ненаправленности ее против России (и по логике вещей – против США). Однако переговоры о совместной ПРО не увенчались успехом.

Вполне возможно, Соединенные Штаты в контексте пересмотра своих стратегических взглядов допускают, что расширение и совершенствование систем ПРО с одной или обеих сторон не только

обеспечит защиту от третьих стран, но в долгосрочном плане повлечет трансформацию российско-американских стратегических отношений взаимного сдерживания в сторону сокращения роли наступательных ядерных средств и увеличения роли неядерных оборонительных (а возможно, и наступательных) систем оружия.

Российское руководство не приемлет такой логики. Как заявил президент Медведев 23 ноября 2011 г., «мы не согласимся участвовать в программе, которая через относительно короткий промежуток – пять, шесть, может быть, восемь лет способна ослабить наш потенциал сдерживания»¹³.

Впрочем, нельзя однозначно заключить, что Россия просто опять отстает от США в развитии стратегической теории. В своей военной политике и военном строительстве Россия по умолчанию тоже все дальше отходит от концепции стратегической стабильности Макнамары и планирует основательно дополнить баланс наступательных стратегических вооружений оборонительными системами. Однако в силу тех или иных причин проблемы СНВ и ПРО США рассматриваются в Москве в одной плоскости, а не менее масштабные российские оборонительные программы и наступательные вооружения США обсуждаются в другой «системе координат». Иными словами, утверждая о дестабилизирующем характере американской ПРО, Россия, очевидно, применяет совершенно иную логику к своим системам стратегической обороны.

3. Российская оборонительная программа

Конкретно, речь идет о программе Воздушно-космической обороны, являющейся одной из самых приоритетных в Государственной программе вооружений до 2020 г. (ГПВ-2020). Программа ВКО, под которую создано командование ВКО на базе Космических войск, выглядит не менее внушительно, чем американская программа ПРО. На нее предполагается выделить около 20% ассигнований по ГПВ-2020, что составляет 4,6 трин. рублей (150 млрд.долл)¹⁴. Помимо модернизации существующих и создания новых элементов СПРН в составе РЛС наземного базирования и космических аппаратов, планируется развернуть 28 зенитных ракетных полков, оснащенных комплексами С-400 «Триумф» (около 1800 зенитных управляемых ракет – ЗУР), а также 10 дивизионов (около 400 ЗУР) перспективной системы С-500 «Витязь»¹⁵. Впоследствии программа

¹³ Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе. 23 ноября, 2011 г., [http:// события.президент.рф](http://события.президент.рф)....

¹⁴ Сухоруков, НВО...

¹⁵ Мы не можем позволить себе закупать плохое вооружение // Военно-промышленный курьер. 2011, 2-8 марта. №8. С. 6; Независимое военное обозрение. 2011, 11-17 марта. №9. С. 8-9.

С-500 была расширена до 38 дивизионных комплексов (300 ПУ и 1200 ЗУР)¹⁶, для чего предполагается построить два новых завода. Кроме того, планируется обновление парка истребителей-перехватчиков (в числе 600 закупаемых самолетов), создание новой интегрированной системы управления и модернизация Московской системы ПРО (А-135)¹⁷. (Подробнее см. главу 8).

В своем послании Федеральному Собранию от 2010 г., президент поставил ВКО на первое место и приказал уделить внимание «...укреплению воздушно-космической обороны страны, объединить существующие системы противовоздушной и противоракетной обороны, предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства»¹⁸.

В отличие от США, которые упорно отрицают антироссийскую направленность своей ПРО, новая Военная Доктрина РФ от 2010 г. весьма прозрачно указывает, что ВКО предназначена для защиты от США и НАТО, ставя в качестве первоочередной задачи «обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения»¹⁹. Правда, ни Военная Доктрина, ни какие-либо другие открытые руководящие документы не дают четкого определения средств воздушно-космического нападения (СВКН), и по этому вопросу среди военных специалистов идут споры.

В целом принято считать, что СВКН включают аэродинамические носители (самолеты и крылатые ракеты), баллистические ракеты и будущие комбинированные средства доставки оружия (ракетно-планирующие частично-орбитальные системы)²⁰. Понятно, что в обозримый период такими средствами, причем в совокупности, могут располагать только США. Поэтому «обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения» есть не что иное, как ослабление американского потенциала сдерживания. Или это по умолчанию курс на дополнение взаимного ядерного сдерживания широким внедрением оборонительных систем, что вполне совпадает с долгосрочным контекстом пересмотра концепции Макнамары, происходящим в США.

Правда, ни в каком руководящем документе не разъясняется, будет ли ВКО защищать страну от ядерных или только от высокоточных обычных стратегических систем противника. Вероятно, информационные системы не смогут отличить ядерные от неядерных вооружений, хотя по понятным

¹⁶ См.: В.В.Путин. «Быть сильными: гарантии...» 20.02.2012.

¹⁷ Независимое военное обозрение. 2011, 25-31 марта. №11. С. 3.

¹⁸ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 2010, 30 ноября (<http://президент.рф.9637>).

¹⁹ Военная Доктрина Российской Федерации. 2011 г.

²⁰ ВКО, последний номер...

причинам защита от ядерных средств предъявляет к обороне неизмеримо более высокие требования, чем задача отражения носителей в обычном оснащении. Также нет никаких официальных формулировок относительно того, как ВКО вписывается в отношения стратегической стабильности «по Макнамаре», которым, по мнению Москвы, будет угрожать американская программа ПРО.

В этом плане иногда отмечается, что дестабилизирующий характер ЕвроПРО США обусловлен тем, что она, в отличие от российской, развертывается за пределами их территории, близко от границ России. В политическом отношении это, безусловно, играет большую роль, особенно с учетом весьма эмоционального восприятия проблемы российской политической элитой и руководством. Но в стратегическом разрезе важно не где развернута ПРО, а каковы ее возможности по перехвату ракет других стран. Ряд экспертов в России и за рубежом, например, считают, что если бы речь шла о защите от единичных или групповых пусков ракет России, то размещение будущих усовершенствованных перехватчиков типа «Стандарт-3» не в Румынии, Польше и на кораблях в европейских морях, а на территории США, Канады и на флоте у американских побережий – могло бы более эффективно прикрыть территорию Северной Америки²¹.

Следует к тому же отметить, что некоторые российские эксперты и военные обозреватели весьма невысоко оценивают эффективность системы ВКО в выполнении поставленных задач после осуществления ГПВ 2020²². Однако низкая эффективность едва ли может служить аргументом в пользу ее стабилизирующего характера.

Опять-таки в отличие от большинства американских официальных и экспертных материалов, которые не увязывают программу ПРО с потенциалом разоружающего удара по России, российская специальная литература и заявления «военных авторитетов» открыто изобилуют построениями вроде следующего: «Сама задача борьбы с воздушно-космическим противником предполагает борьбу с ним не только на траекториях полета СВКН (средств воздушно-космического нападения), но и в местах их базирования на земле, на море и в воздухе. Поэтому в идеале и ударные средства должны быть замкнуты в контуре боевого управления ВКО»²³. Таким образом, со стороны России создание потенциала разоружающего удара по США наряду с защитой от их ослабленного ответного удара с помощью ВКО считается вполне законной и нужной задачей – во всяком случае, на военно-экспертном и теоретическом уровне.

²¹ (См: Е.Бужинский, А.Храмчихин, «НВО» от 3-9 июня 2011 г.).

²² См.: В.Дворкин, ВКО...А.Храмчихин, ПРО-ПВО...(моя полемика).

²³ А. Михайлов. ВКО: необходимо верное решение. ВКО, No 6 (55) 2010. с. 18.

В целом трудно отделаться от впечатления, что в России как бы параллельно существуют несколько плоскостей стратегической логики, внешней и военной политики, которые никак не соприкасаются друг с другом, по-разному применяются к себе и другим странам и притом скопом получают благословение политического руководства, которое не дает себе труда увязать их в логически стройную систему официальных руководящих взглядов. В этом заключается одна из основных причин неудачи российско-американских переговоров по ПРО.

Очевидно, что сейчас на позиции сторон ощутимо влияют объективные различия в их положении. Несмотря на кризис, США намного превосходят Россию по экономическому и инновационному потенциалу, в сфере новейших технологий ПРО и высокоточных обычных вооружений, военном освоении космоса и силах общего назначения. Они имеют много союзников за океаном и ориентированы на применение силы против региональных противников и соперничество с Китаем.

Россия намного более уязвима в экономическом, военном и геополитическом отношениях, и для нее стратегические и оперативно-тактические ядерные силы – единственная сфера примерного паритета с США, главная опора национальной обороны и международного статуса. Поэтому Москва опять, как и в конце 60-х годов, с недоверием и опасением относится к новаторским идеям Вашингтона, подозревая его в скрытых враждебных намерениях.

В отличие от отношения Москвы к американской ЕвроПРО, никто в Соединенных Штатах не предъявляет претензии к России по поводу последствий ее программы ВКО для стабильности. Видимо, прежде всего, это объясняется уверенностью США в эффективности своих СЯС и в неспособности российской ВКО сколько-нибудь существенно воздействовать на их потенциал ядерного сдерживания.

4. Оборонительно-наступательная диалектика

Противоречия сторон усугубляются рядом дополнительных обстоятельств. Подозрения Москвы вызваны, в частности, тем, что масштабы ЕвроПРО, запланированные до 2020 г., заметно превосходят нынешнюю ракетную угрозу Ирана. Сейчас у него действительно нет межконтинентальных ракет или РСД повышенной дальности. Но развертывание и отработка ПРО (тем более, с неядерным перехватом) – намного более инновационный, технически рискованный и капиталоемкий процесс, чем развитие наступательных ракетных носителей, технология которых давно отработана.

С этим связана главная проблема ПРО – от нее требуется намного более высокая гарантия эффективности, чем от наступательных баллистических ракет. В случае отказа наступательной

ракеты, какой-то объект на территории противника не будет поражен. Но если не сработает ПРО, то от прорыва всего одной ракеты противника могут погибнуть миллионы граждан своей страны. Таким образом, присутствует некий «имманентный гандикап» – фундаментальная асимметрия в требованиях к эффективности стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

При обороне страны от удара сотен и тысяч ядерных боеголовок требуется такая эффективность обороны, какой никогда не было и в обозримый период не будет достигнуто. Во-первых, задача перехвата такого числа баллистических целей создает непреодолимые технические трудности. Во-вторых, даже возможность сбить 50–70–80% наступательных средств не способна предотвратить подрыв сотен или многих десятков ядерных боезарядов на своей территории, что все равно означало бы катастрофу (неприемлемый ущерб) для любой современной великой державы.

А способность перехватить ограниченный ядерный удар значила бы не много, поскольку противник мог бы повторять такие удары или наращивать их масштаб до полного «истощения» системы ПРО оппонента. Это определяет бессмысленность стратегической противоракетной обороны в военном балансе ядерных сверхдержав, что было одной из предпосылок концепции Макнамары.

И в этом состоит главная причина, по которой за прошедшие сорок с лишним лет, несмотря на огромные затраты и научно-технические усилия, масштабные системы ПРО территории СССР/России и США так и не были развернуты для защиты друг от друга. Эта реальность сохранится на обозримое будущее, какие бы оборонительные системы ни развертывали военно-промышленные комплексы ведущих держав и какими бы обещаниями они ни убаюкивали свое политическое руководство и общественность. Ситуация может измениться, только если стороны по согласованию пойдут на обоюдное перемещение акцента с наступательных на оборонительные системы стратегического оружия, при сокращении первых и расширении вторых.

Однако уже сейчас применительно к третьим странам концепция Макнамары не столь адекватна. Ведь отражение единичных или малочисленных групповых ядерных ударов третьих стран или «государств-изгоев» придает системе ПРО огромный смысл. Для крупного государства есть большая разница в том, достигнет его территории 10, 5 или 1 ядерная боеголовка. Хотя потеря даже одного города, конечно, была бы огромной трагедией (как трагедия Хиросимы и Нагасаки), но все-таки это не стало бы непоправимой национальной катастрофой.

Поскольку речь идет об обороне от ракет третьих стран, отмеченная асимметрия в требованиях к эффективности ПРО и наступательных ракет затрудняет также четкое разграничение между ПРО от

ракет средней дальности (1000-5500 км) и от межконтинентальных баллистических ракет (более 5500 км). Совершенствование систем антиракет с увеличением их скорости и дальности может теоретически придать им потенциал перехвата МБР (как с пресловутым проектом системы SM-3Block IВ со скоростью 5-7 км/сек для четвертого этапа развертывания американской программы ПРО в 2020 г.). Точно так же Московская ПРО А-135 имеет теоретическую возможность отразить удар нескольких боеголовок МБР – во всяком случае, перед ней ставится такая задача. Но вклад названных систем в оборону от массированного ракетно-ядерного удара был бы ничтожно мал.

Значительно более высокую эффективность они могли бы продемонстрировать в обороне от одиночного или малочисленного группового нападения РСД и МБР. Едва ли обороняющаяся сторона откажется от такой возможности, что относится и к России, которая вряд ли согласилась бы на заведомые ограничения дальности и скорости будущих ракет-перехватчиков типа С-500 «Витязь» или антиракет модернизированной Московской ПРО А-135.

Разграничить ПРО от РСД и ОТР от противоракетной системы стратегического класса по принципу соглашения 1997 г. теперь едва ли удастся. Ведь тогда речь шла о праве на развертывание ПРО ТВД для защиты своих войск за рубежом, а теперь ПРО США и ВКО России предназначены для обороны своей территории и союзников от ударов различных классов и видов аэродинамических, баллистических и будущих ракетно-планирующих гиперзвуковых средств.

Тем не менее, серьезной причиной разлада между Россией и США было отсутствие гибкости в американской позиции по программе ЕвроПРО, после того как она была согласована внутри США и между союзниками по НАТО. Поскольку сотрудничество Запада с Россией по укреплению режимов нераспространения в широком смысле является исключительно важным и непреложным условием успеха на этом треке, постольку в позицию НАТО следовало заложить определенные «допуски» по техническим и географическим параметрам ЕвроПРО, которые обеспечили бы Москве разумные материальные гарантии ненаправленности этой программы против ее потенциала ядерного сдерживания. Разумеется, при этом и США были бы вправе требовать от России соответствующих гарантий применительно к ее программе и системе ВКО (вместо снисходительных заявлений о том, что она США «не беспокоит»).

Будучи вполне последовательной и реалистичной в плане соответствия реальным военно-политическим отношениям НАТО с Россией (которым еще очень далеко до союзнических), западная модель взаимодействия с Москвой по ПРО несла явный отпечаток высокомерия и пренебрежения в отношении России. Она не могла не вызвать ответной реакции в виде ужесточения и растущей неадекватности позиции последней.

В стратегическом контексте перед Москвой стоят два принципиальных вопроса. Первый состоит в том, может ли американская ПРО в рамках намеченной до 2020 г. программы перерасти в систему, способную сколько-нибудь заметно ослабить российский потенциал ядерного удара, на который опирается сдерживание в отношении США.

По этому поводу в России вот уже несколько лет идут весьма острые дебаты. Самые авторитетные российские специалисты (например, академик Юрий Соломонов, генералы Виктор Есин, Владимир Дворкин, Павел Золотарев, наряду со многими другими) однозначно свидетельствуют: как нынешняя, так и прогнозируемая на 10-15 лет вперед американская ПРО, не способна существенно повлиять на российский потенциал ядерного сдерживания. Попытка создать ПРО для защиты от российских стратегических сил потребовала бы таких колоссальных средств и дала бы столь сомнительные плоды, что скорее нанесла бы ущерб безопасности самих США. Разумеется, это так при поддержании достаточного потенциала стратегических ядерных сил (СЯС) России в рамках нового Договора СНВ при оптимальной их модернизации.

Периодически повторяющиеся угрозы в адрес Запада («...если мы не договоримся, начнется гонка вооружений») как и ответные меры, объявленные президентом Медведевым 23 ноября 2011 г., производят там не очень большое впечатление. Разумную модернизацию Россия должна вести в любом случае (МБР «Ярс», БРПЛ «Булава-30»), включая развитие технических средств преодоления любой системы ПРО, оснащение новых ракет новыми боеголовками и прикрытие объектов СЯС оборонительными системами. То же относится к восстановлению периметра РЛС СПРН (в т.ч. Калининградская станция), разорванного в результате распада СССР.

А избыточные вооружения (вроде новой жидкостной тяжелой многозарядной МБР шахтного базирования) лишь отвлекут финансовые ресурсы от действительно необходимых, упомянутых выше стратегических программ и других острых нужд обороны. Возможное в будущем развертывание ракетных комплексов «Искандер» в Калининградской и Краснодарской области, скорее всего, повлечет размещение авиационно-ракетных ударных систем США в Балтии, Польше, Румынии и Болгарии, откуда они смогут «простреливать» российскую территорию до Урала и дальше. А выход из нового Договора СНВ не откроет никаких дополнительных военных возможностей для России (кроме отмены и без того весьма скромных мер контроля), но зато развяжет руки США для удвоения своего стратегического ядерного потенциала в течение нескольких месяцев. Хотелось бы надеяться, что эти соображения были учтены при подготовке ноябрьского заявления президента РФ.

Вот что сказал по поводу угрозы ЕвроПРО академик Юрий Соломонов – главный создатель всех современных российских баллистических ракет наземного и морского базирования: «Вывод

абсолютно однозначный: от массированного удара по территории США, измеряемого несколькими десятками, максимум – сотнями боевых блоков, защита, с точки зрения эффективного перехвата этих боевых элементов с помощью тех технических средств и технологий, которые на сегодняшний день существуют, реализована быть не может. ЕвроПРО... в принципе не может решать задачу по перехвату боевого оснащения ракет межконтинентального класса, – подчеркнул он. – Все эти системы Aegis со всеми их модификациями – это ракеты поля боя, которые рассчитаны в лучшем случае на перехват объектов оперативного и оперативно-тактического класса, да и то с огромными оговорками»²⁴.

Очевидно, что эта трезвая позиция разительно контрастирует с нынешней позой политического руководства России, глав заинтересованных ведомств, большинства парламентариев и экспертов по раздуванию кампании о военной угрозе. О причинах такого положения Соломонов сказал с прямотой генерального ракетного конструктора: «К сожалению, процесс подготовки и формирования решений в этой сложной и чувствительной области у нас в государстве сильно деградировал. Мало того, что эти решения готовят непрофессиональные люди, но те, кто по своему статусу должен принимать решения в этой области, не считают необходимым привлекать те или иные экспертные заключения для формирования окончательного решения... Это отличительная особенность сегодняшней власти, которая руководствуется принципом получения информации из одного источника. И как бы плохо эта информация ни «пахла», забывая своим «запахом» всю остальную палитру, она воспринимается как мнение в последней инстанции и на ее основе строятся решения»²⁵.

Концепция стабильности на основе способности взаимного уничтожения, выдвинутая Макнамарой, констатировала объективную и неотвратимую реальность, а не желательное положение вещей. В принципе не вызывает сомнения, что ни США, ни СССР/Россия не отказались бы от возможности надежно защитить свою территорию от любого ракетного удара, если бы это позволили технические и бюджетные возможности. И это было бы куда более рациональной основой безопасности, чем способность в считанные часы уничтожить друг друга и весь остальной мир. На эту цель были направлены крупные НИОКР двух держав в последние полвека, но она оказалась недостижимой и останется таковой в обозримые десятилетия – во всяком случае, в рамках двусторонних отношений ядерного сдерживания и без согласия сторон о взаимном переносе акцента на оборону.

²⁴ Интервью с Ю.Соломоновым. ВКО, N 6 (63), июнь 2011 г., с. 85-86.

²⁵ Там же.

Поэтому изобличение Вашингтона в тайных намерениях прикрыть свою территорию от ракетного удара России – это есть чистой воды стратегическая софистика, т.е. «мнимое доказательство», которое кажется верным из-за ловкой подтасовки существа проблемы. Чего бы ни хотелось Вашингтону абстрактно, при тех стратегических вооружениях РФ, которые прогнозируются на двадцать лет вперед при разумной программе их модернизации, защиту территории США могла бы обеспечить только ПРО в виде полного воплощения в жизнь программы СОИ президента Рейгана. Это многоэшелонная система из плотных слоев наземного, воздушного, морского и космического базирования с применением средств перехвата контактно-ударного вида и направленной передачи энергии. Независимо от каких-либо намерений, такими техническими возможностями США не будут обладать в ближайшие десятилетия. А экономические затраты потребовали бы многократного увеличения их военного бюджета, который сейчас сокращается и ставит под сомнение даже третью и четвертую фазы нынешней программы ЕвроПРО.

Второй принципиальный вопрос – это соотношение ЕвроПРО НАТО и российской ВКО. Этот важнейший фрагмент общей картины стратегических отношений сторон до сих пор был вне противоракетного диалога политиков и экспертов, но подспудно вполне ощутимо влиял на него.

Совершенно очевидно, что в ее нынешней конфигурации российская ВКО, развиваемая для защиты от нападения США и НАТО, несовместима с общей системой ЕвроПРО России-НАТО. Но Россия не может развивать две параллельные программы: одну вместе с НАТО для защиты друг друга, а другую для отражения ракетных ударов («воздушно-космического нападения») со стороны США и их союзников. Недаром весной 2011 г. на заседании коллегии Министерства обороны, определяя мероприятия развития ВКО, президент Медведев призвал делать это «... в контексте текущей ситуации, включая решение вопроса о нашем участии или неучастии в создаваемой системе европейской противоракетной обороны»²⁶.

Поэтому участие России в программе ЕвроПРО – весьма искусственная и отвлеченная постановка проблемы, которая в свою очередь предопределила неудачу переговоров. Скорее нужно говорить о совместимости ВКО с поэтапной программой ПРО НАТО, предпосылках, оперативных условиях и технических элементах такой совместимости.

По опыту прошедших двухлетних дискуссий на разных уровнях можно сделать вывод: они останутся малопродуктивными, если помимо «Поэтапного адаптивного плана» США и его

²⁶ Там же.

отношения к российскому потенциалу ядерного сдерживания, в общий контекст диалога не будут включены также российская Воздушно-космическая оборона и американские средства «воздушно-космического нападения», которые ВКО призвана отражать.

5. Дипломатический профиль проблемы ПРО

Дипломатический процесс вокруг ПРО в Совете Россия-НАТО, на саммитах и других уровнях напоминал в последние годы схоластическое упражнение, оторванное от военно-политической и технической реальности.

В качестве дебюта Москва предложила проект «секторальной» ПРО, согласно которому Россия возьмет на себя ответственность за оборону НАТО, а та будет защищать Россию. Как сказал позднее президент Медведев, речь шла о создании «системы, построенной по принципу секторов, когда каждая сторона отвечает за определенный сектор».²⁷ Устами официального представителя президента РФ Дмитрия Рогозина предлагался даже двойной контроль над «кнопкой», единый периметр обороны, распределение секторов отражения ракет, чтобы они «не перекрывались», а «замещали» друг друга. В частности, поскольку Россия заявила, что возьмет на себя защиту стран Балтии и Скандинавии, постольку системы ЕвроПРО не должны были размещаться в Польше и на кораблях в северных морях. То есть речь шла о полностью объединенной системе, в которой Россия и США (НАТО) всецело полагались бы друг на друга в перехвате ракет, летящих над их территорией в направлении стран-соратников по ПРО.

При этом, однако, не было предложено, чтобы Россия вступила в НАТО (или НАТО заключила союз с ОДКБ). Также не объяснялось, из каких стран над территорией США и НАТО могут пролетать ракеты, нацеленные на Россию (кроме ракет НАТО). Не было признано, что у России пока нет, и в ближайшие годы не будет, надежных систем защиты даже собственной территории от ударов ракет средней и большой дальности (помимо комплекса ПРО А-135, прикрывающего только Москву). Не рассматривался вопрос о том, обяжет ли такая общая система Россию защищать США и Европу от китайских МБР, трассы которых могут проходить над российской Сибирью и Дальним Востоком.

Игнорируя все эти «несложные темы», Москва настаивала: все или ничего («единая ПРО или гонка вооружений»). Что бы ни думал обо всем этом президент России, «секторальный» проект был воспринят на западе как блеф, заведомо рассчитанный на отказ другой стороны. По этому поводу

^{27 27} Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе.

академик Соломонов высказался совершенно откровенно: «Россия пока не хочет договариваться по указанному вопросу. Это не Западная Европа и не США не хотят работать по этому вопросу. Это российская сторона не хочет конструктивно взглянуть на их позицию. Поэтому и предлагается секторальная ПРО, которую трудно рассматривать в качестве конструктивного предложения... Это предложение родилось для того, чтобы показать, что мы «готовы», но с нами не соглашаются»²⁸.

Вместо «секторального» проекта США предложили развивать две независимые системы ПРО, но создать для них «стыковочные узлы» через центр обмена данными о ракетных запусках и центр оперативной совместимости двух систем (например, как не помешать друг другу в перехвате одной цели). Однако Вашингтон не смог определиться с тем, какого конкретно вклада он ждал от России. Ясно, что США были намерены реализовать намеченную программу самостоятельно, а от России им было бы достаточно политического согласия не чинить препятствий.

Такой вид «сотрудничества» не привлекал Россию, она была не готова просто присоединиться к программе НАТО и потребовала изначально совместного планирования и строительства ЕвроПРО на равноправной основе. (Правда такого же участия НАТО в планировании программе ВКО не предполагалось, тем более, что США заявляли, что она их «не беспокоит».)

Поскольку Москва никогда не соглашалась с США в определении общих угроз (Иран, КНДР), постольку в Вашингтоне вскоре сделали вывод, что ее реальная цель – не создание совместной защиты от ракет в каком-либо виде, а участие исключительно с целью ее ограничения, замедления или отмены (например, в районе Северной Европы). Со своей стороны, Соединенные Штаты хотели добиться максимальной эффективности обороны от ракет Ирана и других возможных региональных противников в рамках того, что позволяли техника и бюджет. Естественно, на такой «разнонаправленной» основе нельзя было сотрудничать в развитии столь сложной и дорогостоящей системы, как ПРО.

Видимо, осознав несостоятельность «секторального» проекта, российская сторона постепенно от него отошла и поставила вопрос о «юридически обязывающих гарантиях». В Довиле российский президент сказал: «...Мы должны получить гарантии: что это не против нас. Нам такие гарантии никто не дал»²⁹. В ноябрьском заявлении он развил свою мысль: «Их надо сформулировать таким образом, чтобы Россия... по объективным, а именно военно-техническим критериям могла судить...

²⁸ Интервью ВКО... с 87.

²⁹ Пресс-конференция по итогам саммита «Группы восьми» // Президент России. 2011, 27 мая (<http://news.kremlin.ru/transcripts/11374>).

не ущемляются ли наши интересы, не взламывается ли стратегический паритет. А это основа современной безопасности»³⁰.

Вашингтон отказался дать юридически обязывающие (в отличие от политических) гарантии, которые подразумевали бы ни что иное, как новое соглашение об ограничениях систем ПРО или, как минимум, новое соглашение о разграничении стратегической и тактической ПРО по типу заключенного в 1997 г. Но тогда соглашение было направлено на сохранение Договора по ПРО от 1972 г., а теперь этого Договора не стало. Тогда планировались системы ПРО для защиты войск за рубежом от РСД и ОТР, а ныне – для обороны своих городов и территории союзников от РСД и в перспективе – от МБР.

Новые ограничения ПРО противоречили бы отмеченной выше общей трансформации американской стратегии. Даже независимо от мнения президента Обамы, на такие ограничения не согласились бы ни Конгресс, ни Пентагон, ни военно-промышленный комплекс США и отказ от ограничений был одним из главных письменно представленных президентом обязательств Сенату при ратификации нового Договора СНВ.

Нежелание Вашингтона допустить и юридически согласовать даже возможность корректировки программы ПРО в будущем действительно было серьезным препятствием. Раз программа называлась «адаптивной», то она должна была предусматривать возможность поправок не только в качестве реакции на угрозу, но и в зависимости от развития сотрудничества с Москвой. Однако жесткость линии США объяснялась не только внутривнутриполитическими обстоятельствами, но и их убежденностью, что Россия стремилась не к совместной обороне, а к ограничению американской программы. В этом их убедил и «секторальный» проект, и требование «юридических гарантий», и официальные сомнения Москвы в наличии угрозы со стороны Ирана.

В любом случае, гарантией сохранения российского потенциала сдерживания должны служить не формальные обязательства США (от которых, как показал опыт Договора по ПРО, тоже можно отказаться), а разумная модернизация стратегических сил РФ. При этом, разумеется, определение нужных масштабов этой модернизации и перспектив дальнейших договоров СНВ зависит от оценки потенциала американской системы ПРО.

Если бы дипломатия была приведена в соответствие с военно-политической реальностью (и истинными, весьма различными интересами сторон), то нужно было бы вести переговоры не о

³⁰ Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе. 23 ноября, 2011 г., [http:// события.президент.рф](http://события.президент.рф)....

совместной или совмещенной системе ПРО, а о мерах доверия со стороны НАТО, которые убедили бы Россию, что система не направлена против нее и не имеет сколько-нибудь значительной способности перехвата ее МБР и БРПЛ.

Более амбициозные планы – создание совмещенной ПРО (например, через интеграцию СПРН, оперативную совместимость и, тем более, техническое сотрудничество) предполагают согласие относительно угроз, осознание их как общей опасности и продвижение к союзнической модели отношений. В таком контексте Россия, безусловно, могла бы серьезно влиять на характер общей программы ПРО и иметь все необходимые гарантии ее ненаправленности против себя. Но сторонники данного типа взаимодействия составляют меньшинство в истеблишменте США и еще меньшую часть военно-политической элиты России.

В части мер доверия Вашингтон в ноябре 2011 г. предложил предоставить возможность России контролировать своей аппаратурой технические характеристики антиракет США при испытаниях, чтобы удостовериться в их неспособности перехватывать российские МБР. Но Россия отказалась от предложения по принципу: «нам незачем контролировать развитие программы, направленной против нас». Помимо политических причин, реакция Москвы объяснялась опасениями, что ей предоставят недостаточные возможности контроля, но выдадут это предложение за меру, снимающую все проблемы.

Задним числом можно сделать вывод, что целью Москвы (возможно, не вполне осознанной) был не поиск компромисса, а прекращение программы ЕвроПРО президента Барака Обамы (по прецеденту отмены программы президента Джорджа Буша в 2009 г.) или, как минимум, ее замедление и ограничение. Осенью 2011 г., потерпев неудачу и с «секторальной» идеей, и с «юридическими гарантиями», и с «защитой от астероидов» (финальный экспромт российского представителя в СРН), Москва взяла курс на обострение отношений. Возможно, ее линия была обусловлена и другими внешне- и внутривнутриполитическими мотивами, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи.

6. Институциональный контекст

Еще одно осязаемое препятствие на пути совместной ПРО состоит в том, что ни американский, ни российский военно-промышленные комплексы на деле не заинтересованы в сотрудничестве. А ведь именно им предстояло взаимодействовать в развитии систем ПРО, и это было задачей качественно более высокого уровня, чем привычные договоры СНВ, которые просто ограничивали силы и программы направленных друг против друга СЯС сторон.

Военные ведомства и промышленные корпорации США не хотят ни в чем ограничивать свою свободу рук в развитии системы, опасаются утечки технологических секретов, передачи чувствительной информации в Иран, КНДР и Китай. Они более всего не желают попадать в зависимость от России с ее «многовекторной» внешней политикой. Сторонники ПРО намерены развивать системы ПРО независимо от поведения «стран-изгоев», реакции Китая и России – просто в меру военно-технических и финансовых возможностей и опираясь на психологическую привлекательность идеи обороны от ракет для части политической элиты и широкой общественности США и стран НАТО.

Эта идея оказалась не менее привлекательна для российской общественности, политических кругов и государственного руководства, с энтузиазмом воспринявших идею, программу и образование рода войск ВКО. Российские ведомства и корпорации осуществляют собственную программу ВКО, которая выдвинулась на первое место в ГПВ-2020, составив как минимум 20% намеченного финансирования³¹. То есть речь идет о сумме порядка 150 млрд. долл. По заявлению военной прокуратуры, из Гособоронзаказа расхищается каждый пятый рубль, и если с этой практикой не будет покончено в рамках программы ВКО, то в ней возникнет огромная коррупционная составляющая. В любом случае российским заказчикам и подрядчикам ГОЗ и ГПВ вовсе ни к чему сколько-нибудь глубокое сотрудничество с США, которое может открыть дверь дотошному американскому аудиту и придирам комитетов Конгресса. Возможность получить доступ к высоким технологиям США ставится в России под большое сомнение с учетом как российских реалий, так и разнонаправленной внешней политики двух держав.

Предоставим еще раз слово академику Соломонову, который знает ситуацию «изнутри» системы: «Абсолютно очевидно, что все эти вопросы (рекламные преувеличения технических достижений систем ПРО, исходящие от американских ведомств и корпораций – Ал.А.) находят отклик и у той категории специалистов... например в России, которых с полным основанием можно отнести к ястребам. Их «ястребиность» прямо пропорциональна тому количеству средств, которые им за эту «ястребиность» удастся выцарапать у государства, - свидетельствует Соломонов... – И только независимый экспертный анализ тех людей, которые не находятся либо в рядах исполнителей, прямо заинтересованных в привлечении этих средств, либо чиновников разного уровня, которые с этими исполнителями связаны на вполне понятных условиях, позволяет трезво посмотреть на эти вещи...»³²

³¹ См.: С.Коновалов, «Воздушно-космическая парадигма», Независимая Газета, 30 января 2012 г., с. 2.

³² Интервью Соломонова, ВКО...с. 86.

Оба военных истеблишмента не уверены в том, как впишется совместная ПРО в привычную и «накатанную» систему отношений взаимного ядерного сдерживания. Поэтому под разными предложениями блокируются даже такие бесспорные и элементарные первые шаги, как возрождение Центра обмена данными СПРН, совместные противоракетные учения.

В этом отношении Россия полагает, что такие шаги дадут возможность США заявить о решении проблемы сотрудничества по ПРО и далее следовать своим курсом, не обращая внимания на Москву. А в США опасаются, что политическое значение таких мер будет велико и даст России возможность угрожать их отменой в случае несогласия с дальнейшей американской программой.

Возникает и ряд технических проблем: например, такой обмен информацией СПРН в реальном масштабе времени, чтобы не были раскрыты некоторые деликатные качественные характеристики этих систем. Ведь средства предупреждения по-прежнему главным образом направлены на обеспечение взаимного ядерного сдерживания России и США, включая оперативные планы различных видов ракетно-ядерных ударов друг по другу. Поэтому даже в самых ограниченных формах взаимодействия по ПРО от сторон требуется готовность начать отход от состояния взаимного ядерного сдерживания или, как минимум, проявить гибкость в отношении жестких критериев поддержания этих потенциалов.

7. Новый формат

Реальные политические и военные курсы России и США противоречат концепции совместной ПРО, и этот общий контекст отношений предопределил фиаско переговоров. Для продвижения по вопросам ПРО этот контекст необходимо постепенно и последовательно менять в сторону военно-политического сотрудничества держав. И наоборот – ставить соглашение по ПРО в качестве предварительного условия переговоров по другим темам – значит обрекать весь процесс на длительную стагнацию.

При благоприятных условиях в будущем можно придать процессу «второе дыхание», глубоко пересмотрев формат обсуждения проблемы и включив ряд тесно связанных с ней вопросов, без которых переговоры по ПРО превращаются в имитацию диалога.

Прежде всего, следовало бы официально информировать западных партнеров о том, что Россия осуществляет собственную приоритетную и обширную программу ВКО, включая противоракетные системы. Ее стратегические задачи следует конкретно сформулировать и увязать с пониманием стратегической стабильности на нынешнем этапе. Если ЕвроПРО угрожает стратегической

стабильности, то нужно убедительно доказать, что российская ВКО по тем же критериям не будет наносить ей ущерба.

Далее, Россия не может делать две оборонительные системы ПРО: одну вместе с НАТО, а другую против нее. Нужно подчеркнуть, что основанием для ВКО служит озабоченность России рядом ударных средств, программ и концепций применения новейших вооружений США. Их ненаправленность против России и возможное ограничение (по типу включения в потолки нового Договора СНВ обычных боеголовок баллистических ракет) должны стать предметом следующего этапа переговоров о сокращении СНВ или отдельным, связанным с ними направлением диалога.

Кроме того, параллельно Россия должна быть готова обсуждать ограничение тактического ядерного оружия.

Наконец, этот вопрос предполагает возрождение в той или иной форме режима и процесса ДОВСЕ.

В случае успеха на этих треках Россия может переместить акцент своей программы ВКО на отражение ракетных угроз третьих стран, защиту важных объектов от ударов аэродинамических средств террористов (АЭС, дамбы, хранилища опасных материалов). Тогда ВКО станет в ряде звеньев совместимой с ЕвроПРО (например, через системы СПРН). В качестве стабилизирующей «страховки» можно создать эффективную объектовую ПРО для прикрытия средств СЯС и их системы управления.

В таком контексте, со своей стороны, США и НАТО должны будут проявить готовность учесть озабоченности России, включая коррекцию программы ПРО в сторону совместимости с российской ВКО. Две системы не будут зависеть друг от друга и не потребуют вступления России в НАТО, но они смогут повысить совокупную эффективность отражения ракетных ударов.

Возможно, что в отдаленной перспективе державы пойдут по пути трансформации отношений взаимного сдерживания через уменьшение роли наступательных ядерных вооружений и увеличение упора на оборонительные системы, их постепенную интеграцию и в конечном итоге – упразднение сдерживания как такового.

И последнее, чтобы в таких сферах воплотить свою политическую волю в практику, президенты не должны наивно думать, что ведомства и корпорации будут выполнять их указания вопреки собственным интересам. Нужно создавать специализированные государственные и промышленные структуры, имеющие задачу развивать сотрудничество и кровно заинтересованные в его успехах.

* * *

В заключение следует подчеркнуть, что трудности сотрудничества по ПРО были серьезно недооценены высшими руководителями обеих держав, особенно российской стороны.

Линия США была достаточно последовательна и прагматична, но в силу внутренних и внешних причин отличалась большим дефицитом гибкости, реализма и дальновидности в восприятии новых угроз и способов борьбы с ними. А конкретно – понимания того, что сотрудничество с Москвой в противодействии ядерному и ракетному распространению в широком плане (примером чего стал отказ России поставить систему С-300 Ирану в 2009 г.) намного важнее, чем те или иные технико-пространственные параметры будущей системы ПРО, которые вызывали возражения России.

Преувеличенные страхи и подозрения РФ усугубляются ее ощущением своей геостратегической и военно-технической уязвимости. Вашингтону нужно не пренебрегать такими моментами, а учитывать их в интересах политического и военного сотрудничества. Вместо этого США, подобно слону, неспешно и неуклонно двигаются по намеченному пути, мало обращая внимание на тех, кого они при этом задевают.

Линия России была весьма непоследовательной, предложения на поверку оказались легковесны и непродуманны. Мало добившись с такой дипломатией, Москва пошла на обострение отношений с Вашингтоном. Следует признать, что политика России на рассмотренном этапе оказалась неудачной: эпохальное соглашение по ПРО не состоялось, переложить вину за это на другую сторону не вышло (во всяком случае, в глазах Западной общественности), программу ЕвроПРО замедлить или ограничить пока не удалось, ответные военные меры России оказались весьма надуманны и не произвели заметного впечатления на НАТО.

Суть проблемы ПРО в том, что ее нельзя решать как организационно-техническую задачу. Ведь противоракетные системы встроены в более широкий контекст безопасности, военной и внешней политики сторон и их стратегических отношений. В этом контексте есть большие препятствия для сотрудничества в столь сложном, важном и деликатном вопросе. Их преодоление требует последовательной и глубоко продуманной политики во имя объективно существующего взаимного интереса во взаимодействии с целью борьбы с новыми общими угрозами безопасности.